

В самых глухих чащах тайги подлесок стоял непроходимой стеной. Звери забредали сюда редко и ненадолго, так что обычно в этой глуши царила абсолютная тишина.

На ветку опустилась пара пичуг и принялась звонко перекликаться, как вдруг кусты снизу заходили ходуном. Птицы разом смолкли, синхронно склонив головки, и уставились вниз, откуда из густой зелени с треском выбралась внушительная туша.

— И тут нет... Нигде нет! Да куда же он свалился? — проскулил Му Ла с самой унылой тигриной миной, безнадежно разгребая лапами колючие заросли.

Он отчаянно пытался отыскать Лу Сэня: если жив — найти, если сдох — утянуть хотя бы тушу. Не мог же тот бесследно испариться!

Но, к великому огорчению тигра, поиски так ни к чему и не привели.

Слетавший со склона бурый медведь смял целый просек в кустарнике, а затем, дико дивясь и стеная от головокружения, задал драпака в чащу. Му Ла честно прошёл по его следам, но безрезультатно. Говоря простым языком, он не нашёл даже клочка тигриной шерсти.

В голову закрались сомнения: а падал ли вообще Лу Сэнь? Но ведь Му Ла видел это своими глазами! Оставалось два варианта: либо хитрец после падения дал дёру, либо его сожрали со всеми потрохами, не оставив даже косточек.

По-хорошему, Му Ла раньше было глубоко плевать на чужака — он и сам не прочь был его загрызть. Но на этот раз Лу Сэнь рисковал шкурой ради его спасения, и у тигра впервые заскребли кошки на душе.

А тем временем на другом конце леса хитроумный самец, развалившись на траве и лениво помахивая хвостом, прищурился от удовольствия, мысленно наглаживая себя по шерстке:

«Искренность — вот лучшее оружие в любом бою!»

Назвав Му Хэ своим младшим братом, Лу Сэнь наконец-то вкусил все прелести семейной жизни. Тот, конечно, наотрез отказывался признавать старшинство Лу Сэня, а при слове «братишка» и вовсе мрачнел туча тучей, но вслух возмущаться не стал.

— Оно, конечно, все мы привыкли жить поодиночке, — вальяжно протянул Лу Сэнь, свернувшись на боку и поочередно облизывая подушечки лап. Затем сладко зевнул и добавил: — Но в единстве — сила! Взаимовыручка помогает преодолеть любые невзгоды. Вот возьми, к примеру, этот куст. Один прутик переломить проще простого, а если снопом...

Он не успел договорить.

Му Хэ, как раз намеревавшийся перешагнуть через кустарник в поисках добычи, всей своей массой наступил на заросли. Хрупкие ветви, разумеется, не выдержали веса взрослого амурского тигра и с оглушительным треском превратились в труху.

Му Хэ замер, повернул голову и невозмутимо уставился на Лу Сэня:

— Что ты там говорил?

Лу Сэнь уголки губ дёрнул, смущённо облизал клыки и немедленно сменил аналогию:

— Э-э... Я имею в виду, один волк много не навоюет, а вот волчья стая...

— Тоже не больно-то сильна, — перебил Му Хэ.

Он подошёл вплотную, наклонился и въедливо приняхался к шерсти спутника:

— Почему от тебя всё ещё несёт Му Ла? Сколько ты с ним пробыл?

Уши Лу Сэня еле заметно дёрнулись. Он вильнул взглядом, лихорадочно подбирая убедительную отговорку, но под давящим, пристальным взглядом хищника сдулся и выложил чистую правду:

— День и ночь.

— Бесполезно за него держаться. У него нет своей территории, он обычный бродяга. Хоть в драке он и посмышлёнее Ма Ла, но встретит Сун Я — сразу отгребёт по полной, — буднично прокомментировал Му Хэ, давая брату точную оценку. — Место, куда он ухнул, ведёт на юг. А там земли Мо Сана.

— Мо Сана? — переспросил Лу Сэнь.

— Угу. Му Ла тебе разве не рассказывал? На юге хозяйничает Мо Сан, на севере — братья Эсатэ, на востоке — Луис. А направлявший западом Цзя Бэй недавно сцепился с бурым медведем, получил тяжёлые раны и подох.

— Я слышал краем уха, но подробностей не знал... — Лу Сэнь на мгновение задумчиво притих.
— Погоди, значит, центральные земли — твои?

— Пока да, — Му Хэ ступил вперёд, отжимая в мягком грунте глубокие, отпечатанные до мельчайших подробностей следы.

Голос его звучал по-молодому звонко и сочно — он был матёрым самцом в самом расцвете сил. Мощный хвост едва заметно помахивал из стороны в сторону, и пусть он разговаривал с Лу Сэнем, его чуткие уши ни на секунду не расслаблялись, жадно ловя каждый шорох тайги. Малейшая угроза — и он готов был мгновенно ринуться в атаку.

Лу Сэнь окончательно укрепился в мысли, что урвал себе самую надёжную и ухватистую лапу в этих краях.

Му Хэ даже не поинтересовался, каким образом Лу Сэнь оказался здесь, пока его родной брат пересчитывал боками кочки на склоне. Похоже, судьба Му Ла его ничуть не заботила.

Лу Сэнь быстро раскусил жизненную позицию тигра: пока братца сжирает кто-то другой, а не он сам, всё в полном порядке.

— Я перечислил только тех, кто удерживает владения, — продолжил Му Хэ.

Смертоносные когти с тихим шелестом выдвинулись из подушечек и оставили на земле глубокие борозды. Таким оружием ничего не стоило располосовать шкуру противника до самых костей, а уж сила удара амурского тигра пробила бы насквозь хоть стальной кузов машины, не то что живую плоть.

— Но бездомных бродяг вроде Му Ла или Ма Ла куда больше. Они просто неудачники, проигравшие битву за земли.

— Да уж, тигриная плотность тут впечатляет, — пробормотал Лу Сэнь.

Му Хэ молчал, с ног до головы оглядывая собеседника. Его пристальный, тяжёлый взор заставил Лу Сэня нервно поджать хвост и смущённо наклонить голову:

— Чего ты так смотришь?

— Ты ведь раньше тоже жил в этих лесах. Мы с тобой даже дрались за территорию, а теперь ты будто обо всём забыл, — в голосе Му Хэ проскользнули странные нотки. В жёлтых глазах сквозило явное недоверие: он категорически не понимал, почему перед ним словно совершенно другой тигр.

Лу Сэнь ждал подобного вопроса. Заведя хвост за спину и усердно начищая переднюю лапу языком, он глубоко, драматично вздохнул:

— Эх, не буду таить... Повредился я умом. Помнишь мой рваный живот? Меня тогда кабан поддел: мало того что брюхо вспахал, так ещё и башку так отбил, что половину памяти отшибло. Многое с тех пор как в тумане...

Тут Лу Сэнь перевёл на Му Хэ взгляд, исполненный нежнейшей предательской проникновенности:

— Но пусть я забыл, как охотиться, как карабкаться на деревья и как зовут прочих тигров... Пусть я забыл весь мир! Тебя я забыть не смог. Ты навсегда остался в моём сердце, ведь я люблю тебя всем сердцем, мой названный брат, с которым мы пройдем сквозь огонь и воду!

Му Хэ застыл.

Его уши невольно прижались к голове, превратившись в самые настоящие «самолётики». Даже при встрече со свирепым Сун Я он так искренне не опешивал, а от этого пылкого монолога мгновенно встал в защитную стойку.

Исполин осторожно попятился назад — зрелище небывалое! — после чего выбрал густую куртину травы подальше от Лу Сэня, улёгся и прикрыл глаза.

Глядя на то, как Му Хэ подогнул под себя массивные лапы и прижмурился, удерживая уши-самолётики, Лу Сэнь отлично понимал: полосатый хищник и не думал спать. Он просто бесстыдно притворялся, лишь бы избавиться от общества подозрительного «братца».

Это напомнило Лу Сэню их самую первую встречу, когда он точно так же выливал на тигра потоки красноречия, а тот молчал как истукан. Тогда Лу Сэню казалось, будто зверь его не понимает, но теперь стало ясно — Му Хэ банально не желал с ним связываться.

«Братская любовь, семейная идиллия...» — пробормотал про себя Лу Сэнь, подув на подушечку лапы.

Опираясь на сведения, полученные от Му Хэ, он мысленно набросал приблизительную карту тигриных владений в этом горном массиве. Детали можно будет уточнить позже.

По крайней мере, теперь всем его странностям было дано железобетонное объяснение. Пусть байка про «отбитые мозги» и выглядела шитой белыми нитками, для тигра её вполне хватало.

А дальше оставалось самое сложное: изо всех сил учиться быть настоящим амурским тигром.

Вот когда он освоит охоту, научится драться и давать дёру в случае опасности, тогда и перестанет трястись за свою шкуру и жить в вечном страхе.

Пока Лу Сэнь упоенно строил планы на будущее, ничего не подозревающий Му Хэ приоткрыл один глаз, взглянул в его сторону, помешкал о чём-то и, поднимаясь, направился к нему.

Лу Сэнь поневоле подобрался, слегка выпустив когти.

— Иди спи туда, — коротко бросил Му Хэ. — А я лягу здесь.

Лу Сэнь не совсем понял смысл этой рокировки, но спорить не стал. Перебравшись на прежнее место Му Хэ, он с удовольствием обнаружил, что лежать на мягкой, густой траве куда приятнее, чем на голой сырой земле.

Он хотел было выдать очередную благодарность, но Му Хэ снова смежил веки. Подавив невысказанные слова, Лу Сэнь сладко зевнул, потянулся всем своим длинным телом, свернул хвост калачиком и с чистой совестью погрузился в сон.

Во сне он умиротворённо посопел, раскинув широкие лапы с розовыми подушечками-пятнышками.

А вот Му Хэ так и не уснул. Открыв глаза, он пристально посмотрел на спящего, после чего бесшумно поднялся и обошёл окрестности, дозором проверяя территорию на предмет опасности.

Его шаги были настолько лёгкими и неверными, что даже проходя вплотную к Лу Сэню, он не издал ни звука. Лу Сэнь, вообще-то планировавший держать ушки на макушке, провалился в глубокий сон без сновидений до самого утра.

— Проснулся? — раздался над ухом знакомый низкий голос.

Лу Сэнь встрепенулся и поднял голову. Из густых кустов выходил Му Хэ, держа в пасти полуживую добычу. Небрежно бросив тушу на траву, он наступил тяжёлой лапой на бьющееся в конвульсиях животное и ровно произнёс:

— Я учуял запах Сун Я. Он где-то неподалёку.

У Лу Сэня, мгновенно сгоревшего от стыда и страха, глаза вылезли на лоб, а хвост трубой взвился к небу.

<http://bllate.org/book/19948/1991053>